

Ушла из жизни Анна Павловна РАДЗИВИЛЛ (1947–2022). Как сказал кто-то из великих: "У человека, который занимается в жизни чем попало, всегда есть шанс стать писателем!"

У Анны в трудовой книжке было 22 профессии — диапазон от инструктора-дрессировщика служебных собак до дипломированного университетского филолога, учителя русского языка и литературы. Поэтому то, что она стала писать рассказы, никого не удивило.

А началось всё в Арктике, в холодном Карском море. Её отец был полярником-гидрологом холодных морей, начальником полярной станции на дрейфующей льдине, в бухте Тикси. Жена его, Тонечка, попала в штат экспедиции, "потеряв" последнюю букву фамилии — вместо "Строгова" написали Строгов — потому что туда брали только мужчин. Совершенно не подумали они, молодые ребята, что у них там родится ребёнок... А он родился. Вернее она. Аннушка. Наверное, нет больше таких детей, которые родились бы в Карском море, на льдине.

Потом долго выбирались на большую землю — плыли на ледоколе в маленькой каюте. И только через несколько месяцев достигли суши во Владивостоке. Оттуда самолётом домой, в Ленинград.

В два года, уже в Ленинграде, Аннушка случайно научилась читать. Игрушек не было, и ей купи-

ли разрезную азбуку. А она бегала к матери на кухню и спрашивала:

— Мапочка, это какая буква?

— "А-а", — говорила мама.

— А эта?

— А эта — "Б-э".

Ну, так и научилась...

Как-то пришли гости, и маленькая Анна, сидя на руках у дяди с газетой, прочитала по слогам: "П-р-а-в-да". Гости разинули рты: так она что у вас — читает уже? Мать испугалась и на следующий день повела её к врачу. На всякий случай. "Ничего, ничего", — сказал врач. — Просто очень способная девочка!"

В семь лет она прочитала двухтомник О'Генри и решила, что когда вырастет, станет писателем.

Анна боялась, что у неё будут брать интервью, а она растеряется и ничего не сможет сказать.

И вот как-то поделилась: "Однажды мне пришлось, что я на сцене, кругом толпа, софиты, и меня спрашивают:

— А что вы любите больше всего на свете?

— Больше всего на свете я люблю собираться на любовное свидание! — сказала я и покраснела".

А потом, когда у неё и вправду брали интервью после какого-то выступления, она улыбнулась и рассказала про этот сон...

Она не могла писать рассказы о том, чего не слышлось. А в том, что происходило, она видела поэзию и глубокую метафоричность, несмотря на то что событие могло быть совершенно бытовым и ничтожным. Через любую прорезь в этой действительности она видела что-то связанное с душой и любовью. В работе не могла себе позволить ни одного лишнего или случайного слова. Все должны были вписываться в мелодию и ритм фразы. Очень любила читать написанное вслух — и после этого часто переписывала. Наверное, поэтому её редакторы говорили: нам практически нечего править!

Она собирала необычные обороты речи, слова и словосочетания в свои писательские блокноты. Переводчик с узбекского — это было одной из грани её таланта, приносило деньги... Она была переводчиком смыслов. Работала с подстрочником, жила пять лет в Узбекистане, чтобы прочувствовать культуру, архитектуру, природу.

Она говорила, что нельзя переводить буквально — это и не всегда понятно, и читателю будет скучно. Надо перевести так, чтобы сохранить аромат того, что хотел сказать автор, сохранить его культуру, сделав его понятным русскому читателю. Перевести в метафору...

Вниманию читателей предлагается фрагмент одной из её новелл.

фото Александра ЛЕЙКИНА

КОГДА Я РОДИЛАСЬ, их никого уже не было на свете. Моя бабушка Акулина, тверская крестьянка, умерла за три дня до моего рождения.

Дедушка, Яков Сергеевич, умер немного раньше, от рака. После похорон бабушка пришла домой, легла на лавку и сказала детям: "Мне без него не жить". Через несколько дней хоронили и её: умерла от грусти, как свечка растаяла.

У бабушки Акулины было восемь детей. У меня значительно меньше. Иногда я думаю: могла бы я вот так умереть от грусти? Вряд ли... Хотя, кто его знает...

Мне трудно понять, как они жили. От их жизни осталось так мало: мама, две тётки, пережившие блокаду (вспоминаю только о войне), несколько фотографий на плотном картоне, поле, засеянное удивительно зелёной травкой ("это лён так растёт, смотри, это поле твоего дедушки") да ещё ряды громадных мрачных ёлок в лесу — дед сажал у себя на хуторе еловую аллею. И цветущая в лесу сирень — на том месте, где был дом.

Одно я знаю точно: никто, ни один из их восьми детей не был так счастлив в жизни, как мои бабушка и дедушка. Бабушка так и говорила дочкам: "Знаете, а я ведь даже и царице не завидовала..."

В деревне возраст не скроешь, все тебя знают и всё про тебя знают.

Шла Акулинушка улицей, роста маленького, лицом невидная, шла, склонив голову, а вослед ей сострадательный шёпот: "Гляди, Кулюшка идёт, вековуха..." А дома сёстры младшие шипели: "У, вековуха несчастная..." Из-за неё отец не выдавал замуж ни Марфу, ни Полину — надо же сначала старшую с рук снять. К младшим-то сватались, девки были приглядные и молодые. А Акулине Николаевне в ту пору стукнул уже двадцать один год. Это сегодня смешно, это теперь в двадцать один — молоденькая, а тогда? Да еще в деревне? Тогда в тридцать — уже без зубов, с высохшей грудью, и морщины, и руки, как клешни...

В хоровод да на гулянки уже и ходить стеснялась. Вообще была застенчивая. Всех приглашают, а её — нет. Придёт, сидит, смотрит, на душе тяжело, и глупо всё как-то. Сёстры хохочут, глазами блестя: "Ну, чего сидишь, ворона?" А что ответить? Встанет да уйдёт.

САГА О ПРЕДКАХ

«От их жизни осталось так мало... несколько фотографий на плотном картоне и цветущая в лесу сирень — на том месте, где был дом»

Однажды явился на гулянку парень из другой деревни. Красивый — глаз не оторвать. Сам высокий, кудри чёрные. А пел как! А плясал! Девки обомлели. А он огляделся, возьми да и пригласи незаметную, самую тихую — Акулину. Покраснела, встала да и вышла плясать. Другие парни смотрят — чего это они прозевают? Акулька-то улыбается — прямо светлая заря... Как же это они проглядели? И тоже давай её приглашать.

Оказалось парень тот — Степанидин Яша. Подобрала его мальчишкой на дороге бабка нищая Степанида, пожалела, а то бы с голоду помер. Пока не вырос, с ней по миру ходил. А подрост — начал бабкино хозяйство налаживать. Избу починил, печь сложил заново. Даже худую лошадеёнку завел. Старую.

Вот на этой-то худой лошадеёнке и приехал он вскоре к богатому хутору, где жили Донские, Акулину сватать.

Она как поглядела — батюшки! Да это же тот парень, что плясать её пригласил! Неужели такой красавец — её сватать? Оказалось — её. Она сразу: "Тятенька, я согласна!"

Отец почесал в затылке — конечно, ни одну девушку с приданым за какого-то нищего в деревне б не отдали, но тут дело такое — вековуха... Сёстры наседают: "Тятенька, счастье-то какое!" Как бы и тех не переждержать. Ну что, Богу помолился, дал слово. Согласился.

А через два дня — парень богатый из их деревни. На тройке! И тоже — Акулину сватать.

Отец и мать не знают, что и делать: и слово-то дали, и родную дочь-то жалко. В богатый дом ли отдать, или к нищей Степаниде в избу?

— Тут, дочка, дело такое... — начал отец.

— Я уже просватана, тятенька... — тихо сказала дочь.

— Я вот сейчас тебя просватаю... вожкой.

— Утоплюсь... — ещё тише сказала она.

Парень богатый уехал ни с чем, предложенных ему Марфу или Полину взять не пожелал. Акулину выдали за Яшу, и в приданое получила она самое главное — кусок земли, который мог прокормить семью, на хуторе Терпилово.

На другой день после свадьбы Яков взялся за топор. Быстро, ладно сколотил табуретку.

— Зачем это ты, Яшенька, сделал табуретку?

— А возле тебя сидеть, незабудка моя.

Вдохнула, не поверила — будет такой огненный возле неё сидеть...

Не верили в это и люди.

И хотя известно стало, что женился Яша, кутчихи на тройках, в шубах с борами, в павловских платках цветастых, румяные, подлетали к крыльцу: "Яков Сергеевич, к нам, к нам! Свадьба у нас, поехали! Ведь петь, плясать — лучше вас не найти!"

Затаилась Акулина за занавеской возле печи, дышать перестала.

— Спасибо за честь, — отвечал Яков Сергеевич, — не могу.

С тех пор без Акулины Николаевны его не приглашали. И что удивительно — умел он заставить всех, в каком бы обществе ни

появлялись, считать его незаметную Кулюшку ну просто королевой.

Тесть, озабоченный непонятным поведением молодого мужа, спрашивал: — Почему не бьёшь?

Яша склип блестящие белые зубы, обещал подумать.

Вот фотография, на которой ещё нет моей мамы, но в семье уже трое детей: девочка и два мальчика. Хорошо тогда делали фотографии — картон не рыхлый, а как пластмасса, твёрдый и гладкий. Пожтепел только снимок — три четверти века прошло.

Да, дед и в самом деле редкостный красавец — глаза огромные, тёмные, заплаканные — не забыть. Виски седые, плечи широкие. Старшая дочь Наденька с такими же глазами, в него. А про бабушку как-то и сказать нечего — скромная маленькая женщина, одетая уже по-городскому. И зовут её — Лина, стесняется она теперь своего деревенского имени. Теперь в Санкт-Петербурге живут они, в столице. Напротив Сенного рынка держат лавку сельдяную. Покупают сельдью оптом, а торгуют ею в розницу. Дед копит деньги, кладёт их в банк. Да не на себя, а на каждого ребёнка. Мечтает всех выучить.

УСПЕЛ ВЫУЧИТЬ только старшую, Надежду. В Смольном институте для благородных девиц — попала она в какой-то процент для бедных чинов. Вот ещё один снимок: девушка в шляпе со страусовым пером, одно поле вниз, другое вверх (сейчас такие шляпы — поменьше, и поля покороче, и без страусовых перьев — продавщицы называют "боковий"), талия затянута, смотрит гордо — какая такая крестьянина — петербурженка! Преподаёт французский и, как вспоминают тётки, учит их, маленьких, "хорошему тону": как ходить, как сидеть, как одеваться. Ухаживает за ней барон фон Бломберг. Катает в коляске, дарит хризантемы. Вот он, барон. Холодное немецкое лицо, эполеты, осыная талия. Сидит прямо, напряжённо. Хочет лучше выглядеть, чем есть. И чего старается? И так молод и прекрасен. Летом она уезжает в деревню и пишет ему письма "из имени Терпилово". А осенью он, по естественному ходу вещей, делает ей предложение. И прекрасно, и пусть выходит за барона!

Но Наденька, несмотря на отчаянную любовь и свои семнадцать лет, всё-таки видит мир таким, какой он есть.

Она надевает бабушкино обручальное кольцо, берёт за ручку мою маму в платьице "баби" и кружевных панталончиков и отправляется на свидание к барону фон Бломбергу в Летний Сад. Поражённый, смотрит он на кольцо. "Да, я обручена. Слишком поздно..."

Хочется крикнуть через столетие: "Да расскажи ты ему, признайся, ведь он тебя любит!"

Но на меня смотрят большие грустные глаза с портрета — здесь она постарше. Нет, это свидание было последним. Не понять вам, потомкам, что такое "социальное происхождение", теперь у вас даже графы такой в паспорте нету.

Фон Бломберг писал ей уже после революции из Югославии: "У меня много не осталось — только покинутая мною Родина — светлая моя Россия. И Вы — единственная звёздочка в родном небе".

Она тихо погасла в блокаду, ухаживая за ранеными в госпитале. Мои жизненные тётки шёпотом и с недоумением сообщают: она умерла старой девой, у неё никогда никого не было...

Ещё до Первой мировой войны, когда детей стало восемь, появляется в семье тётя Уляша, молодая работница катушечной фабрики.

Хромая, ворчливая, не в меру страшенькая, незаконного ребёнка подкинула в приют — вот и всё, что о ней известно.

Младшие дети её любят — своя, родная, вынянчила их по очереди. В доме налаженная, за дедовой спиной спокойная жизнь.

Как и всегда, всё перечёркивает война. Первая мировая. Она накатывает не сразу, сначала идёт страх, смутное время. Уляша приносит с Сенного рынка слухи — никогда так не врут, как после охоты и перед войной. Дед отправился за советом к знаменитому тогда митрополиту — как спасти и прокормить столько детей? Сам-то в детстве натерпелся, жалел их. Бывало, дети приставали:

— Папа, папочка, а кого из нас ты больше любишь?

Он показывал пальцы на руках:

— Вот, если один обрезать — какой больнее?

Митрополит сказал:

— Есть у тебя свой кусок земли — садись на землю. А иначе — всем погибеть.

Отвёз семью в деревню, а сам на фронт ушёл, как и все. Сказал жене:

— Не бойся, и что бы тебе ни говорили — не верь. Вернётся. Ты меня знаешь.

И всё вернулось!

Окопы вспоминать не любил. Смеялся редко. А петь перестал совсем.

В революцию пропали все деньги в банке, которые положил на каждого ребёнка. Ему сочувствовали — как же, столько тысяч золотом! А он улыбался: деньги-то пропали, а дети-то живы! Теперь бесплатно учат, теперь все выучатся!

Анна РАДЗИВИЛЛ

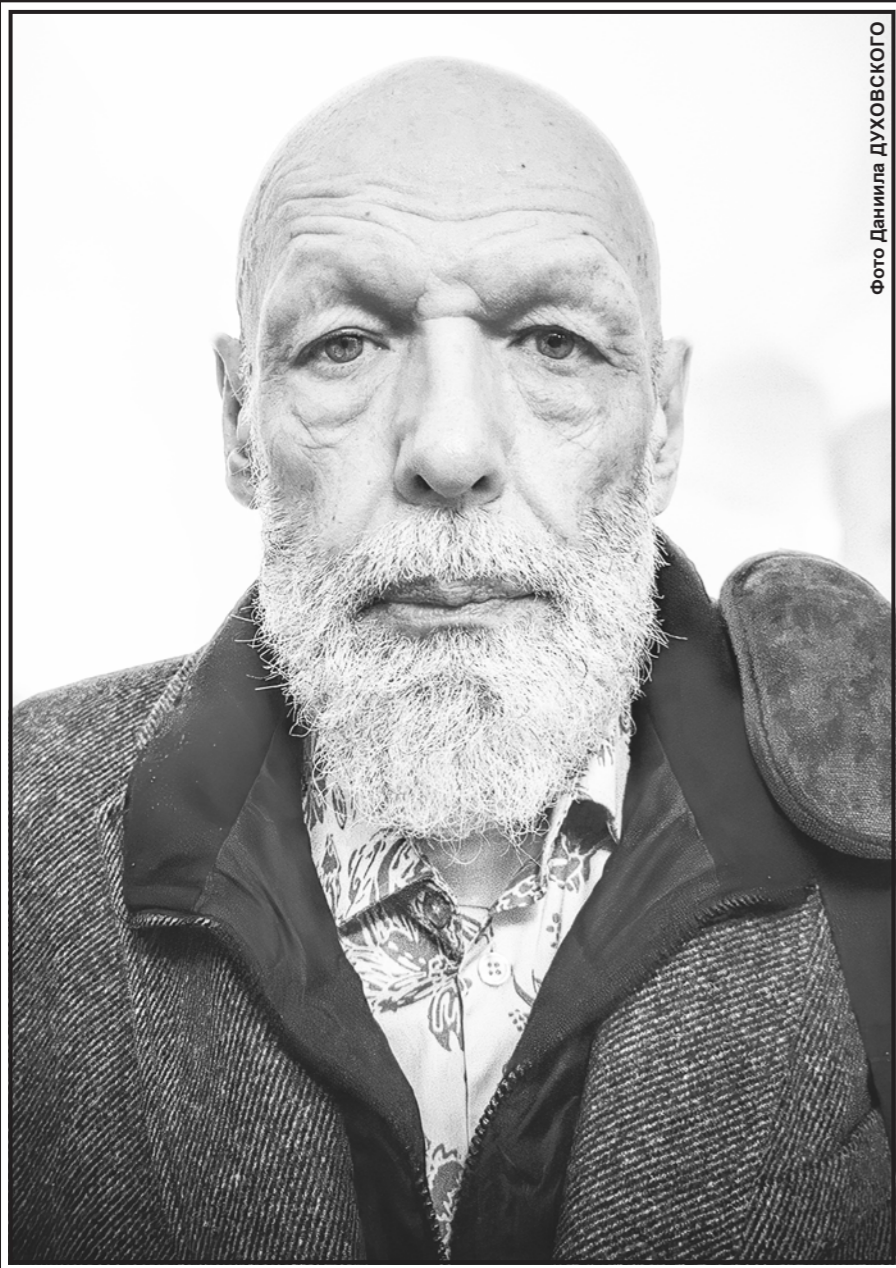

фото Даниила ДРУЖКОВСКОГО

Причём под это размежевание подпадает практически любое литературное или публицистическое произведение, и читателю остаётся только выбрать одну из двух враждующих сторон.

Повинуясь велению свыше, я безоговорочно выбрал партию почвенников, что выглядело несколько необычно, поскольку я рос и воспитывался в достаточно фронтёрской среде. С тех пор я все масштабные общественные события расцениваю с точки зрения, кто на чью мельницу лёт воду и кто ближе к истине и победе — наши или ихние, мы или они.

И вот что меня особенно поразило, когда я вошёл во вкус и погрузился в тонкости аргументов. Оказывается, в тактическом плане в России как правило побеждали западники — ведь общественные настроения всегда находились

можно объяснить победу над двенадцатью языками. Кстати, в результате войны 1812 года по-настоящему родилась русская патриотическая мысль.

Поражение в Крымской войне породило самое отвратительное и что печально — достояние массовое явление — смердяковщину (неспроста Достоевский поставил своего персонажа в центр русской драмы), но одновременно окончательно завершило формирование славянофильства как крепкого и боевого движения.

Османские походы на самом деле имели не столько антиисламскую, сколько антиевропейскую направленность. Ведь по большому счёту мы воевали не с Турцией, граница с которой проходила по Днепру, а со стоявшей за её спиной Англией — то есть, опять же, с Европой. Так что история реально повторяется.

Самое ужасное, что никто не знает, как будет выглядеть победа. Какой результат нужно подразумевать под до боли знакомым словом. А между тем, именно победа только и способна спасти и сохранить сегодняшнюю Россию. Статус-кво или, не дай бог, поражение мгновенно обернутся крахом всей русской идеи. На карту сегодня поставлена наша тысячелетняя русская мечта. А тем временем там, наверху, наши политические Гамлеты по-прежнему рефлексировать, менжуются, позволяя себе непростительно ошибаться. Война западников со славянофилами вступила в решающую, заключительную, высшую стадию. Европа объединила под своими знамёнами всех нацистов, садистов, бесноватых маньяков, одержимых безграничной, животной, звериной русофобией, и бросила их на искоренение русских ценностей. А тем временем наши власти закрывают и выгоняют из помещения одно из самых ярких патристических изданий — газету "Литературная Россия", авторы и сотрудники которой отстаивали эти ценности, рискуя собственными биографиями. Достаточно полистать подшивку, чтобы убедиться, что все материалы издания — это сплошная молитва во славу русского воинства. Ну не абсурд? И что характерно — не отдельно взятый случай. Налицо всё та же тенденция — вместо безоговорочной поддержки русской армии непрерывные спускаемые сверху наёмки на свёртывание операции, сдачу позиций, подписание мира на условиях врага.

Можно сколько угодно, слушая боевые сводки, рассуждать внутри патристического сообщества о будущих утиях, строить планы по поводу грядущего русского мира, но пока мы не дождёмся от власти чёткого и внятного ответа на главный вопрос, все славянофильские кипения страстей так и будут оставаться прекраснотрудными мечтаниями.

А главный вопрос, казалось бы, такой насущный для большинства русских людей, как выясняется, пока оказывается неразрешимым для властной вертикали. Суть его формулируется проще простого. Ради чего вообще, собственно, затевалось?

И в миг чудесный, среди туч вдруг наше знамя брызнет алым. Из мёртвых встанешь ты мозук, чтоб Царство Красное настало!

Ольга КОЗЛОВЦЕВА

Они сошлись на поле брани, Вдвоем, лицом к лицу стоят: Один — десантник из Рязани, Другой — из Харьковца солдат.

Своя у каждого присяга, Своя у каждого страна, И хоть у них два разных стая — Земля славянская одна.

Домой вернуться ли из боя Сыны страдальческой Руси? Зачем им биться меж собою? — Помилуй, Господи, обоих, Обоих, Господи, спаси!

Нацисты — проклятая нечисть — Да гибнут, сгинут пусть в века! Бесплавье ждёт их и бесчестье... — На них вина кровавой сечи, Невинных кровь — на их руках!

МОЛЮСЬ ЗА РОССИЮ

Отче наш, спаси Россию! Русь Святую береги! Милосердно отпусти ей Все великие грехи. Упадём мы на колени, Вскинем взор на образа — След жестоких поколений Сметет чистая слеза. Миром будем мы молиться От зари и до зари: — О, Небесная Царца, Благодарю озари! И святым своим покровом Всю Россию защити, Помоги нам путь суровый С верой в Господа пройти!

г. Рязань, Рязанская область

ПОДДЕРЖИМ ВОИНОВ И МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА!

Братья и сестры! Региону нужны лекарства, бронехилеты, спальные, генераторы, аккумуляторы, рации, продуктовые наборы, одежда, детские вещи. Требуются средства для выдачи денежных пособий роженицам из Волноухи и Мариуполя. Помочь нуждающимся жителям можно через военкора Анастасию Леонидовну Михайловскую,

чья репутация безупречна. Она работает в Донбассе с 2014 года. Помимо съёмки и публикации занимается гуманитарной помощью бойцам, детям, старикам, раненым и инвалидам, за что неоднократно получала благодарности от Армии и властей ДНР, награждена орденом "За заслуги перед республикой".

КАРТЫ: СБЕРБАНК 4276380146243048 или РНБ 2200020237458171 (Анастасия)